

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 1 (82). С. 87–99.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 1 (82):87–99.

Научная статья

УДК 821.161.1-1.09«17»

DOI 10.37724/RSU.2024.82.1.009

Правители Древней Руси в творчестве М. В. Ломоносова

Нина Владимировна Трофимова

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

nv.trofimova@mpgu.su, nvt.df@yandex.ru

Аннотация. В научных и поэтических трудах М. В. Ломоносова одной из центральных была тема истории России, неразрывно связанная с размышлениями о современности. Образы правителей прошлого были необходимы для осмысления этой темы. Они включены в исторические и художественные сочинения Ломоносова разных жанров. Цель данной работы — исследовать специфику изображения русских правителей прошлого и связь их образов с исторической концепцией автора.

В «Кратком российском летописце с родословием» образы властителей, представляющие непрерывную историческую цепь, переданы через важнейшие деяния, раскрыты в событиях соответствующих эпох, некоторые из них разноплановы.

Для художественных произведений различных жанров (оды, похвальные слова, поэма, надписи, описание иллюминации) отобраны определенные персонажи, отвечающие мыслям Ломоносова о значении личности правителя для благополучия и развития России. В них представлены идеальные качества, необходимые властителю, который должен служить образцом современным Ломоносову самодержцам. Изображенные в поэзии князья и цари заботятся о безопасности, целостности и благополучии России, правильном устройстве внутренней жизни государства, обеспечиваемых сильной властью; наделены воинской доблестью, храбростью, мужеством, мудростью. Эти образы нарисованы метафорами, метонимиями, гиперболами, составляющими краткие афористические характеристики.

Уникальным образом экфрасиса дополняет представление о древнерусских правителях сочинение «Идеи для живописных картин из российской истории», описывающее отдельные моменты их жизни в ярких детализированных словесных картинах, которые запечатлевают те же важнейшие качества, которые иными средствами представлены в исторических и поэтических трудах. В целом весь комплекс произведений создает тот идеал «бодрого» государя, полное воплощение которого Ломоносов нашел в Петре Первом и стремился преподать как урок правящим или будущим царям.

Ключевые слова: «Идеи для живописных картин из российской истории», «Краткий российский летописец с родословием», М. В. Ломоносов, надпись, ода, поэма «Петр Великий», похвальное слово.

Для цитирования: Трофимова Н. В. Правители Древней Руси в творчестве М. В. Ломоносова // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 1 (82). С. 87–99. DOI: 10.37724/RSU.2024.82.1.009.

Original article

The rulers of Ancient Rus in M. V. Lomonosov's works

Nina V. Trofimova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

nv.trofimova@mpgu.su, nvt.df@yandex.ru

Abstract. In the scientific and poetic works of M. V. Lomonosov, one of the central themes was the history of Russia, inextricably linked with the author's reflections on modernity. Images of past rulers were necessary to understand this theme. They are present in Lomonosov's historical and artistic works of various genres. The purpose of the present study is to explore the specifics of the image of Russian rulers of the past and the connection of their images with the author's historical concepts.

In the *Brief Russian Chronicle with Genealogy*, the images of rulers, representing a continuous historical chain, are conveyed through their most important actions, revealed in the events of the corresponding eras, some of these actions were rather complex.

For artistic works of various genres (odes, eulogies, narrative poems, inscriptions, description of fireworks show), certain characters were selected that corresponded to Lomonosov's thoughts about the importance of the ruler's personalities for the well-being and development of Russia. They present the ideal qualities necessary for a ruler who should serve as a model for Lomonosov's contemporary monarchs. The princes and kings depicted in his poetry care about the security, integrity and well-being of Russia, the correct structure of domestic life that is ensured by a strong government; endowed with military valor, bravery, courage, and wisdom. These images are drawn with metaphors, metonymies, and hyperboles constituting brief aphoristic characteristics.

A unique example of ekphrasis complements Lomonosov's idea of ancient Russian rulers in the essay *Ideas for Paintings from Russian History*, which describes specific moments of the rulers' lives in vivid, detailed verbal pictures that capture the same essential qualities that are presented in historical and poetic works. In general, the entire complex of works creates the ideal of an "vigorous" sovereign, whose embodiment Lomonosov found in Peter the Great and employed his image as a model to future rulers.

Keywords: *Ideas for paintings from Russian history, A brief Russian chronicle with genealogy, M. V. Lomonosov, inscription, ode, poem Peter the Great, laudatory words.*

For citation: Trofimova N. V. The rulers of Ancient Rus in M. V. Lomonosov's works. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2024; 1 (82):87–99. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.82.1.009.

Введение

История России была одной из важнейших тем и в литературных, и в научных произведениях М. В. Ломоносова. Как гражданин, поэт, исследователь он осознал единство хода событий, осмысливал их связь с личностями исторических деятелей, на разных этапах решавших судьбу отечества. Философия истории, построенная писателем на основе глубокого изучения источников, была оптимистичной. Во вступлении к «Древней российской истории» М. В. Ломоносов писал: «Народ российский от времен, глубокою древностию сокровенных, до нынешнего веку толь многие видел в счастья своем перемены, что ежели кто междоусобные и отвне нанесенные войны рассудит, в великое удивление придет, что по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул. Извне угры, печенеги, половцы, татарские орды, поляки, шведы, турки, изнутри домашние несогласия не могли так утомить России, чтобы сил своих не возобновила. Каждому несчастью последовало благополучие большее прежнего, каждому упадку высшее восстановление; и к *ободрению утомленного народа некоторым божественным промыслом воздвигнуты были бодрые государи*» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 169] (здесь и далее выделено нами. — Н. Т.). Это высказывание, служащее итогом многолетних занятий русской историей, выявляет суть представлений автора о ее сложном ходе, постоянных испытаниях, стойко преодолеваемых страной, о божественном происхождении власти и особой роли правителя.

«Словарь русского языка XVIII века» отмечает пять значений слова «бодрый», которое использовано в рассуждении и дополнено однокоренным существительным: «1. Не дремлющий, не спящий. <...> Бдительный. 2. Исполненный готовности к действию; свидетельствующий о готовности к действию. 3. Храбрый, смелый, неустрашимый. 4. Крепкий, здоровый, сильный. 5. Осанистый, с горделивой поступью» [Словарь русского языка XVIII века, 1985], при этом второе и четвертое значения проиллюстрированы в том числе примерами из произведений Ломоносова. Круг образов, введенный писателем в тексты различных жанров, говорит о том, что, согласно его представлениям, в личности правителя должны присутствовать все эти качества.

Обращение к разным формам освещения исторических событий объяснено Ломоносовым в «Слове похвальном... Елисавете Петровне» 1749 года: «Чем военныя сердца вяще к мужественному против врагов действию и к храброму защищению отечества побуждаются, как славными примерами великих Героев? Сии приводит на память *История и Стихотворство*, которое, *прошедшия деяния живо описуя, как настоящия представляет: обоими похвальныя дела великих государей из мрачных челюстей едкая древности исторгаются*» [Ломоносов,

1959, т. 8, с. 252]. Своих современников — правителей действующих и будущих — автор видел наследниками государей предшествующих эпох. В то время только начался процесс собирания и издания древнерусских памятников, но Ломоносов уже вводит в произведения образы князей далекого прошлого, исходя из мысли о необходимости самодержавия для благополучия России, отчетливо выраженной с помощью антитезы в его работе «Древняя российская история»: «... *разномысленною вольностию* Россия едва не дошла до крайнего разрушения; *самодержавством* как сначала усилилась, так и после несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась» [Там же, 1952, т. 6, с. 171].

Древнерусские источники, которыми пользовался Ломоносов, воссоздавая картину русской истории, установлены исследованиями Г. Н. Моисеевой [Моисеева, 1971, 1980]. Цель данной работы — показать специфику изображения правителей России в исторических и поэтических произведениях разных жанров, созданных Ломоносовым.

Основная часть

Правители Руси появляются в исторических сочинениях, в одах, надписях, «Идеях для живописных картин из российской истории», неоконченной эпической поэме «Петр Великий». Самая полная галерея государей — киевских, владимирских, московских великих князей, а затем царей (от Рюрика до Петра I), — включающая 53 имени, предстает перед нами в историческом сочинении «Показание российской древности, сокращенное из сочиняющейся пространной истории» («Краткий российский летописец с родословием», 1760). Цель этого исторического сочинения раскрывается в стихотворном посвящении Павлу Петровичу, которое призывает наследника престола следовать деяниям великих предшественников. Сведения о древнейших правителях Киева (по «Повести временных лет») и Новгорода (по новгородским летописям) приводятся во вступлении к сочинению. Основную часть произведения составляет таблица, содержащая сведения о правителях. Имена князей, начиная с Рюрика, вместе с характеристиками занесены в столбец таблицы «великое княжение», в остальных столбцах указаны: «степени от Рурика», «начало владения», «лета владения», «лета жизни» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 297–345]. В начале перечня характеристики кратки, даются в соответствии с летописными свидетельствами, а многие даты приблизительны или отсутствуют. Но чем дальше, тем больше сведений о героях, а даты становятся точнее. Завершает сочинение раздел «Родословие российских государей мужеского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями» [Там же, с. 346], перечисляющий всех правителей, от Рюрика до Петра I, и членов их семей.

Своеобразный опыт осмысления русской истории в лицах находим в сочинении М. В. Ломоносова «Идеи для живописных картин из российской истории», созданном в 1764 году по поручению Екатерины II для написания полотен, которыми нужно было «украсить при дворе некоторые комнаты» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 595]. В отличие от исторических сочинений, в этом небольшом произведении, основываясь на различных источниках, автор представил галерею образов не только правителей, но и героев Древней Руси, а князей упомянуто меньше, чем в «Кратком летописце», но больше, чем в поэтических произведениях.

В художественных текстах появляются всего тринадцать правителей из включенных в исторический труд. При этом соотношение сведений о них, представленных в «Кратком летописце», в «Идеях для живописных картин» и в поэтических сочинениях, различно. В данной работе обратимся именно к тем персонажам, которые представлены во всех названных произведениях.

Правители дохристианской эпохи

«Краткий летописец» дает немного сведений о Рюрике, ориентируясь на «Несторову летопись», которую Ломоносов считал достоверным и самым древним источником: рассказано о приходе в Новгород трех братьев — варягов-россов по приглашению жителей города, и о том, что Рюрик «по смерти братьев своих *привел новгородцев под самодержавство и всю северную часть России, получившия имя от сих варягов*» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 297]. В поэтических произведениях Рюрик упоминается как родоначальник русских князей: так, в оде 1741 года на рождение Иоанна Третьего (под этим именем занимал престол Иоанн Антонович) от лица России сказано: «Твое коль, Рюрик, племя славно, Коль мне твоя полезна кровь!» [Там же, 1959, т. 8, с. 39].

Биография Олега, гораздо более обширно представленная в летописи, в «Кратком летописце» сжата до перечисления основных фактов: «Олег, сродник его, княжил в малолетство сына Рурикова Игоря. Завладел полуденными российскими областями; перенес столицу в Киев, убив Оскольда и Дира. Ходил воевать под Царьград и заключил мирный и купеческий договор с греками» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 297]. Примечательно отсутствие каких бы то ни было оценок историка: в летописи поход Олега явно привлекает внимание и вызывает одобрение летописца.

В «Идеях для живописных картин...» Олегу посвящены два самых значительных сюжета из его летописной биографии: «Олег князь приступает к Царюграду сухим путем на парусах» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 371] и «Олег, угрызен от змея, умирает» [Там же, с. 371–372]. В первом случае Ломоносов переосмыслил текст летописи: источник утверждал, что корабли на колесах пошли к Царьграду при попутном ветре, а Ломоносов, понимавший нереальность этого факта, предлагал другую трактовку: суда двигали «припряженные лошади, печенегами правимые» [Там же, с. 371].

В то же время в поэме «Петр Великий», рассказывая о том, как по распоряжению Петра волоком из Ладожского озера в Неву были доставлены суда, участвовавшие во взятии Нотебурга (Орешка), Ломоносов применяет ретроспективную историческую аналогию с походом Олега на Царьград и передает эпизод, следуя летописному рассказу:

От Ладоги в Неву флот следует по суху.
Пример изображен тут *Ольговых чудес*:
Пред Цареградскими высокими стенами
Он по полю в ладьях стремился парусами.
Здесь вместо ветра был усердый наших дух,
И вместо парусов сопряжены силы вдруг.
[Ломоносов, 1959, т. 8, с. 722]

Облик Олега зафиксирован в творчестве Ломоносова основными событиями жизни князя, но при этом даже в поэтическом произведении автор сдержан в оценке персонажа.

Игорь в «Кратком летописце» охарактеризован основными действиями: «ходил воевать в Грецию, возобновил договор, заключенный при Ольге. Потом ради несносной и тяжелой дани, наложенной на древлян, убит от них на возвратном пути в Киев» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 297–298]. Только эпитеты, определяющие дань, могут свидетельствовать об отрицательной оценке поступка Игоря, приведшего к его гибели.

Зато в оде 1741 года на рождение царевича Иоанна поэт вспоминает, что «*Велик был Игорь, хоть и млад, / Дела его при Понте звонки, / Дрожжал пред ним и сам Царьград*» [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 39]. И эпитетом, и олицетворением поэт дает обобщенную положительную оценку Игорю-воину и полководцу.

Единственная правительница, о которой сказал Ломоносов в «Кратком летописце», — княгиня Ольга. Автор называет ее «Ольга Святая» и кратко сообщает о мести за Игоря древлянам, после чего княгиня «*хитростию и храбростию* и землю их вовсе завладела» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 298]. Так же сдержанно сказано и о принятии ею христианства. В «Идеях для живописных картин...» писатель предлагает сюжет «Взятие Искореста», изображающий хитрость Ольги с птицами, сжегшими город [Там же, с. 367], причем это первый сюжет, включенный в сочинение.

О тех же событиях метафорически говорит поэт и в оде 1752 года, адресованной Елизавете:

Супружню, Ольга, смерть отмщая,
Казнишь *искусством* Искорест,
И *тьмы неверства* избегая,
Спешишь до *просвещенных мест.*
Премудрость, храбрость и святыня
Тобой, *блаженная* Княгиня,
Из древности *сияет к нам.*
[Ломоносов, 1959, т. 8, с. 503]

Ода дает наиболее полную похвальную метафорическую характеристику Ольги, расширяя круг качеств, которые упомянуты в исторических сочинениях.

В оде речь идет вслед за Ольгой о Елене Глинской и Наталье Нарышкиной, остававшихся регентшами при малолетних детях, и ко всем троим относится метафорический панегирик поэта:

О вы, Российски *Героини*,
 Что в вечности *превыше звезд*
Сияете, уже Богини,
 Земных оставя *нискость мест!*
 Вы, пола *превышая свойство*,
 Явили *мужеско геройство*
 Через *славныя* свои дела.

[Ломоносов, 1959, т. 8, с. 503]

В историческом сочинении и Елена, и Наталья только упоминаются в рассказе об их сыновьях. Причина, видимо, в том, что никаких значительных деяний, зафиксированных источниками, обе царицы не совершили, в оде поэт благодарит их за сохранение власти и сыновей во время их малолетства.

Ярко представлен образ Святослава Игоревича, деятельности которого, особенно его военным походам, «Повесть временных лет» уделяла большое внимание. «Краткий летописец» эпитетом определяет главное качество Святослава: «*государь храбрый*» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 298], а затем упоминает битвы, подчеркивая могущество его войска: «жил почти всегда в поле; кровавые войны вел на Дунае с греческим царем Иоанном Цимисхием. Имел в своем войске не токмо подданных славян и чудь, но и наемных варягов, печенегов и турков и союзных болгар» [Там же, с. 298].

В «Идеях для живописных картин...» Ломоносов предлагает представить трагический момент последней битвы Святослава — многофигурную композицию «Сражение Святослава с печенегами в порогах», где «в главной группе бьется сам князь, уже раненый» [Ломоносов, 1952, с. 372].

В галерее образов далекого прошлого, вошедших в оду 1761 года, посвященную дню восшествия на престол Елизаветы Петровны, князю отведена строфа, с помощью метафор и метонимий повторяющая сведения «Краткого летописца» и перелагающая летописную речь героя:

Се *бодрый воин* Святослав,
 Славян и Скифов с Печенеги
 И Болгар с Турками собрав,
 Дунайски *наполняет бреги*;
И победитель всем гласит:
 «Здесь сердце стран моих *лежит:*
 Смарагды, шолк дают мне Греки,
 Вино и злато — Угров труд;
 Народ и хлеб — велики реки,
 Что в Отчестве моем *текут*».

[Ломоносов, 1959, т. 8, с. 747].

Ломоносов подчеркивает величие победителя, знающего цену своим завоеваниям, в то же время снимая неоднозначный для Святослава летописный контекст: в источнике князь говорил о желании перенести столицу Руси в завоеванный Переяславец на Дунае, и только просьба матери Ольги удержала его от этого. Таким образом, поэтическая характеристика — панегирическая: изображен храбрый воин и удачливый полководец; в историческом произведении он получает похвальное определение, а в живописной картине появляется описание неудачной битвы, приведшей к гибели князя, но при этом подчеркнута его мужество.

Вспоминая князей дохристианской эпохи, Ломоносов воспринимал их деятельность как возможный пример для современных ему правителей. Прямые оценки получили Игорь (велик), Ольга (премудрость, храбрость и святыня) и Святослав (бодрый); если добавить к этому «самодержавство» Рюрика, то комплекс этих качеств представляет идеал правителя.

Рюриковичи христианской эпохи

Полнее всего из правителей раннехристианской эпохи в трудах Ломоносова представлен Владимир Святославич. «Краткий летописец» рассказывает о военных успехах князя и, конечно, о крещении Руси: «Владимир Святославич Святый по смерти братьев своих самодержавствовал в России. *Храбростию* побеждал все окрестные народы: <печенегов, ляхов, болгаров волжских и дунайских и греков>. Наконец, испытав разные веры, избрал и принял христианскую греческую и понял за себя в супружество греческую царевну Анну. Крестил великую часть подданных и утвердил в своей державе христианство» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 299].

В «Идеях для живописных картин...» Ломоносов избирает сразу три сюжета, посвященные Владимиру. Первый, названный «Основание христианства в России» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 367], представляет низвержение идолов и крещение киевлян в многофигурной композиции, напоминающей по восприятию пространства икону: многоярусную (как, например, «Битва новгородцев с суздальцами») или с клеймами, в верхнем ярусе или в среднике которой находятся Владимир с Анной и сыновьями. Это иллюстрация главного деяния князя, занимающая важное место в его характеристике. Второй сюжет, «Совет Владимиру от духовенства», раскрывает облик крестителя как идеального христианина, которого священники вынуждены убеждать в необходимости карать злодеев вопреки христианскому закону милосердия. «На картине можно представить, что Владимир, хотя к тому и склонился, однако отвращает лицо от привезенных к казни и сильному разбойнику Могуту вины прощает, приняв его в число своих богатырей» [Там же, с. 368]. Третий сюжет, «Горислава» [Там же, с. 368–369], носит романический характер и раскрывает новые черты личности князя, отраженные летописью. Это рассказ о попытке Рогнеды убить Владимира и милостивом прощении ее князем благодаря вмешательству малолетнего сына Изяслава. Интересно, что эти сюжеты отражают разные варианты летописных повествований о Владимире: если первый есть во всех источниках, то второй сохранил след знакомства с Никоновским сводом, а третий — с Радзивиловской летописью.

В оде 1741 года на рождение Иоанна Третьего Ломоносов вслед за Игорем упоминает Владимира с помощью перифразы и метафор как просветителя Руси:

Устроил внук меня красняе,
Открыл мне полдня свет ясняе,
Кумиров мерских мрак прогнал.
[Ломоносов, 1959, т. 8, с. 39]

В оде 1761 года Владимиру, вслед за Святославом, посвящена строфа, сочетанием эпитетов, гипербол и метафор передающая в обобщенном виде основные деяния князя:

Ему *Геройством равный* сын
Владимир, *превосходный верой,*
Войной и миром исполин,
Отмстив за брата равной мерой,
С Дунайских и до Камских вод
Вливает свет Христов в народ;
Счетав с любовью постоянство,
Густую разбивает тень;
На Перуна и на поганство
Ступив, *восшедший кажет день.*
[Ломоносов, 1959, т. 8, с. 747]

В изображении Владимира на первый план во всех текстах выдвинута его деятельность как крестителя Руси, но при этом показаны различные его черты.

Из ближайших потомков Владимира Святого в поэтическом творчестве Ломоносова появляется только Владимир Мономах. Причину такого предпочтения объясняет характеристика князя, данная в «Кратком летописце»: помимо сведений о его деятельности, приведенных в древнейших летописях, автор использовал «Хронику Матвея Стрыйковского», рассказывавшую о поединке князя с генуэзским правителем Кафы, и «Сказание о князьях Владимирских»,

повествовавшее о переходе знаков императорской власти из Византии в Россию. «Владимир Всеволодович Мономах *по общему всех прошению сел на великое княжение киевское; усмирил вражды внутренние* в России. Половцев и других *сопостатов побеждал отменно храбростию*. Город Кафу, бывший тогда во владении генуезском, взял и во вторую войну, победив на поединке генуезского кафинского князя, снял с него все признаки его чина. Ополчившись на Грецию, получил от царя греческого Алексея Комнина все украшения царского сана и *венчан царем и самодержцем всероссийским*» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 392–303]. Фактически этот рассказ дает полное представление о деятельности Владимира Мономаха, при этом Ломоносов прибегает к почти летописной по лаконичности характеристике князя через действия. Прямо указанное качество только одно: «отменная храбрость».

«Идеи для живописных картин...» предлагают уже приведенные в «Кратком летописце» сюжеты «Мономахово единоборство» (о поединке с кафинским правителем) и «Мономахово венчание на царство» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 369], который представляет в живописном виде момент возложения «короны императоров греческих» на князя. Второй из сюжетов в кратком метафорическом оформлении включен и в оду 1761 года:

Не то ли *храбрый* Мономах?
Он меч вознес на Византию,
И Комнин, облеченный в страх,
Венец взлагает на Россию.

[Ломоносов, 1959, с. 747–748]

Неслучайно этот сюжет настойчиво повторяется во всех жанрах: именно он служил с XVI века обоснованием права русских князей на царский титул, а для поэта обретение этого титула, видимо, представлялось важнейшим событием в биографии Владимира. Характерно, что и качество, акцентируемое в оде, то же, что и в историческом сочинении, — «храбрый».

Разнообразнее всего жанровый репертуар поэтических произведений, в которых появляется Александр Невский. Причина, видимо, в том, что Ломоносов рассматривал Александра Ярославича как предшественника Петра в борьбе с западными врагами и небесного покровителя города, построенного императором. «Александр Ярославич Невской, будучи на княжении новгородском, *храбро* побеждал шведов и ливонских немцев, нападавших на Великий Новгород. По смерти отца своего призван в Орду, где Батый, удивясь его *красоте, дородству и мужеству*, с честью отпустил на великое княжение владимирское...» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 308–309], — сообщает «Краткий летописец», подчеркивая важнейшие качества героя.

В «Идеях для живописных картин...» помещен сюжет «Победа Александра Невского над немцами ливонскими на Чудском озере» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 369], фиксирующий вторую значительную битву князя, но сам он в описании картины не представлен, возможно потому, что в источниках событие описано кратко.

Военные победы над врагами упоминает и ода 1761 года, перифразом называя Александра и используя излюбленный поэтом прием олицетворения:

Там плещут Невски берега,
Низвергнув дерзкого врага
Петрова *Мужеством* Предтечи:
От Запада *защитник* он.

[Ломоносов, 1959, т. 8, с. 748]

Характеристики Александра даны Ломоносовым в связи с сооружением по приказу Елизаветы в 1750–1752 годах серебряной раки на гроб святого князя. Надпись на раку, предложенная поэтом в 1750 году, сближала Александра и Петра:

Святой и *храбрый* Князь здесь телом почивает,
Но духом от небес на град сей призирает
И на берега, где он *противных побеждал*
И где *невидимо Петру споспешествовал*.

[Ломоносов, 1959, т. 8, с. 283]

А в прозаической записи Ломоносова 1752 года о том, что рака сделана из первого серебра, добытого в правление Елизаветы, дана развернутая метафорическая оценка деятельности Александра, торжественность которой подчеркнута эпитетами и ритмическим оформлением, основанным на синтаксически параллельных конструкциях: «Богу Всемогущему и Его Угоднику, Благоверному и Великому князю Александру Невскому, Россов усердному защитнику, презревшему прещение мучителя, тварь боготворить повелевавшего, укротившему варварство на Востоке, низложившему зависть на Западе, по земном княжении в вечное царство переселенному в лето 1263, усердием Петра Великого на место древних и новых побед пренесенному 17[24] года...» [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 491–492].

В поэме «Петр Великий» в связи с осадой Нотебурга возникает видение Александра Невского, помогающего русскому войску в битве, упомянутое перифразом в надписи 1750 года:

*Поборник Александр издревле сих берегов
Зрит, грозно ополчен над ними, на врагов.
Уже высокий всход с землей быть мнится равен,
И Ярославов сын, среди зарей преславлен,
Являя сродный зрак Великого Петра,
Оружием звучит чистейшим серебра,
Святою силою противных устрашает,
Россиян важностью десницы укрепляет.
Защиту древнюю от сильного плеча,
Броней, копья, щита, и шлема, и меча
Вспомнянув, места веселый плеск воздвигли,
Что избавления желанного достигли;
Достигли наконец желанных тех времен,
Что паки Александр для них вооружен.*
[Ломоносов, 1959, т. 8, с. 727]

Концентрация тропов — эпитетов, гиперболов, метафор, олицетворения — создает живописную и звуковую картину явления святого воина в помощь императору, что позволяет объединить события двух эпох, разделенных несколькими столетиями, и уподобить Петра его предшественнику.

Художественные тексты, вследствие их многочисленности и жанрового разнообразия, представляют яркий образ Александра, лишь намеченный историческим сочинением.

Характеристика Дмитрия Ивановича Донского в «Кратком летописце» дана через перечисление основных событий, произошедших в его правление: признавая заслуги Дмитрия в возвышении Москвы, победу над Мамаем Ломоносов упоминает вскользь и много говорит об участии князя в междоусобной борьбе против Михаила Александровича Тверского [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 315–316].

«Идеи для живописных картин...», напротив, делают основной акцент на Куликовской битве. В этом сочинении содержится замысел полотна «Начало сражения с Мамаем» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 370], где показано войско во главе с Дмитрием, приготовившееся к бою, в момент поединка Пересвета с вражеским богатырем.

Поэзия Ломоносова также представляет Дмитрия как победителя Мамаю, как полководца, возродившего воинскую славу России. В оде 1741 года, посвященной рождению императора Иоанна III, поэт подчеркивает значение этого события:

*Ревнив Донской что Дмитрией деет?
Татарска кровь в Дону багреет,
Мамай, куда б уйти, не знал.*
[Ломоносов, 1959, т. 8, с. 39]

В оде 1761 года Ломоносов снова метафорически упоминает Мамаево побоище: «Се Дмитриевы сильны плечи / Густят Татарской кровью Дон» [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 748].

Главным историческим событием в трагедии «Гамира и Селим» тоже стала Куликовская битва, рассказ о которой разделен на три монолога, последовательно воспроизводящих ход битвы. Первый произносит крымский хан Мумет, передавая сведения, принесенные гонцом, видевшим

начало битвы и предрекавшим победу Мамаю: «И с малым воинством Димитрий, Князь Московский, / Противу стать *дерзнул*, оставшись близ реки» [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 302]. Второй принадлежит вестнику, бывшему свидетелем гибели передового полка Дмитрия и принесшему ложный слух о судьбе князя: «И, ранами покрыт, от бою уклонился / Димитрий, бегая Нарсимовой руки» [Там же, с. 321]. Третий монолог произносит сын Мумета Нарсим, рассказывающий о победе русских войск, но в его рассказе о Дмитрии не упоминается, и это соответствует свидетельству источников, поскольку в момент выступления засадного полка и победы контуженный князь уже не участвовал в битве.

Сохранилось двустишие, явно тоже относящееся к Дмитрию: «Войну воспеть хочу в донских полях кроваву / И князя, что *воздвиг погранну нашу славу*» [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 641]. В примечании, размещенном в академическом собрании сочинений Ломоносова, сказано следующее: «Датируется предположительно промежутком времени с 1744 по 1757 г. <...> Содержание и форма публикуемого фрагмента дают основание считать его началом героической поэмы о Куликовской битве и о Дмитрии Донском. Никаких других материалов, связанных с этим эпическим замыслом Ломоносова, не отыскано» [Там же, с. 1086–1087]. Хотя эпическая поэма о Куликовской битве не была написана Ломоносовым, но оценка, данная роли Дмитрия в двустишии, как и постоянное возвращение к этому важнейшему событию во всех жанрах, свидетельствуют о понимании поэтом исторического значения подвига Дмитрия Донского.

В «Кратком летописце» о правлении всех последующих князей рассказывается подробно. В повествовании об Иване III Васильевиче Ломоносов подробно передает сведения о покорении Новгорода, об отношениях с ханом Ахматом и с Казанью и завершении монголо-татарского ига. В «Идеях для живописных картин...» помещены два сюжета, трактующие те же важнейшие события: «Низвержение татарского ига» и «Приведение новгородцев под самодержавство» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 370]. При этом, если рассказ «Летописца» эпически спокоен и последователен, то в живописном варианте поэт предполагает передачу чувств персонажей. В первой картине сделан акцент на сочетании иерархической позы и чувств князя: он, «*на великокняжеском стуле сидя, гневным лицом повергает на землю басму татарскую и разодранное Ахматово повеление*» [Там же]. Описание второй многофигурной картины содержит указание на множество действий и эмоций персонажей, которые должны быть изображены на ней: новгородцы кричат, видя сброшенный вечевой колокол; уводимые в Москву прощаются с согражданами; одни радуются, другие печалются; бояре московские усмеваются, довольные. А в центре картины — московский великий князь на коне, повелевающий забрать у новгородцев Ярославовы грамоты, — снова как грозный правитель.

Фрагмент оды 1761 года емкими метонимическими образами объединяет Ивана III и Ивана IV как успешных полководцев и государственных деятелей, кратко обобщая все, о чем повествовалось в историческом сочинении о правлении обоих государей:

Тезоименны Дед и Внук
Разбитые бросают узы
И кажут всей вселенной вокруг
Державу, права, меч, союзы...
[Ломоносов, 1959, т. 8, с. 748]

В поэме «Петр Великий» Ломоносов вспоминает об Иване III в связи с тем, что пушка, отлитая при нем, была захвачена во время польско-шведской интервенции и находилась в Нотебурге до его возвращения Петром.

Сей *бодрый* Государь в Россию первый ввел
На бранях новый страх земных громовых стрел¹.
Неслыханны пред тем и сильные удары
Почувствовав от нас против себя, Татары,
Во век отчаялись над Россами побед:
Скончался с гордостью ордынскою Ахмет.
[Ломоносов, 1959, т. 8, с. 730].

¹ В примечаниях к Полному собранию сочинений М. В. Ломоносова указано, что здесь поэт ошибся: «первые сведения о применении» огнестрельных орудий «на Руси относятся к 1382 г., т. е. ко времени Дмитрия Донского» [Ломоносов, 1959, т. 8, примеч. 103, с. 1148–1149].

Иван IV представлен в «Кратком летописце» чрезвычайно подробно. Упомянуты все военные предприятия царя, суровая расправа с боярами в молодости. Особое внимание уделено борьбе с Казанским ханством (источником служила «Казанская история»), перечислены войны с другими врагами, которые вел царь. Кроме этого, Ломоносов дал прямую характеристику личных качеств правителя и обратил внимание на изменения в его характере: «Сей *бодрый, остроумный и храбрый государь был чрезвычайно крутого нрава*, который первая его супруга, великая государыня царица Настасья Романовна умела своим разумом и приятностями удерживать. После ее преставления обычай его совсем переменялся... наподобие внезапной бури возстала в нем *безмерная запальчивость*. Неспокойных новгородцев *казнил сей государь свирепым наказанием* и царевича своего Ивана *зашиб в крутом гневе*, что после краткой болезни было смерти его причиною. По таким *строгостям* назван царь Иван Васильевич Грозным. Его повелением началось в Москве печатание книжное» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 325–326].

Сюжет «Царица Сумбек», связанный со взятием Казани, которое Ломоносов считал важнейшим событием правления Грозного, включен в «Идеи для живописных картин...». В этом полотне автора привлекал облик царя, милостивого к побежденным: «Государя должно изобразить на царском престоле еще в малых летах (здесь требуется живописцово искусство, чтобы со старого и угрюмого портрета сделать *молодой и веселый*, не потеряв подобия, затем что царицу принимает *милостиво*)» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 370].

Вероятно, особое внимание Ломоносова к личности Ивана Грозного, проявившееся в историческом сочинении, можно объяснить, обратившись к «Оде на взятие Хотина» 1739 года, где царь появляется вместе с Петром I в видении как победитель Казанского и Астраханского царств, расширивший пределы Руси, предтеча побед первого русского императора и Анны Иоанновны, которой посвящена ода:

Кто с ним толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак *Смиритель* стран Казанских?
Каспийски воды, Сей при вас
Селима гордого потряс,
Наполнил степь голов поганских.

[Ломоносов, 1959, т. 8, с. 23]

Как правитель, победивший иноверцев, отдавший в благодарность Богу за Казанскую победу пленников Соловецкому монастырю для воздвижения стен, появляется царь в поэме «Петр Великий». Настоятель Фирс рассказывает императору:

«Великий Иоанн, твой сродник и пример,
Что *Россов превознес и злых Агарян стер*.
Он, *жертву принося за помощь в бранях Богу*,
Меж протчими и здесь дал *милостьню* многу:
Пятьсот изменников, поиманных Татар
Им в казнь, обители послал до смерти в дар.
Работою их рук сии воздвиглись стены...»

[Ломоносов, 1959, т. 8, с. 706]

Образ Ивана Грозного в историческом сочинении более разносторонний и глубокий, чем в поэтических текстах, в которых сделан акцент на его завоеваниях, лишь мельком в приведенном отрывке из поэмы появляются черты доброго христианина, и совсем ничего не сказано о «*безмерной запальчивости... крутом гневе... строгостях*» царя. В поэтических произведениях представлены только те качества, которые необходимы идеальному правителю.

Цари рода Романовых

Неоднократно появляются в произведениях Ломоносова правители рода Романовых — Михаил и Алексей.

В «Кратком летописце» особенно подробно рассказано о деятельности Михаила Федоровича и Алексея Михайловича и основных событиях их правлений. Воцарение Михаила, согласно рас-

сказу сочинения, сопровождалось восстановлением целостности Руси и ее укреплением. В правление Алексея Михайловича особое внимание обращено на создание Соборного уложения и войну против Польши, попытки устройства регулярного войска и основы флота, судьбу патриарха Никона. Упоминается восстание Степана Разина и его казнь, а также вред, принесенный им: «Сей злодей много препятствовал государю в строении флота на Каспийском море, сожег первопостроенный в Астрахани корабль, называемый “Орел”» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 337].

По существу те же события в метафорически-риторической форме Ломоносов раскрывает в «Слове похвальном... Елисавете Петровне» 1749 года: «Для того описал бы я ныне вам *младого* Михаила, для стенания и слез прадедов наших *приемлющего с венцем Царским тяжкое бремя поверженных России*, обновляющего *рассыпанные* стены, сооружающего *разоренные* стены, собирающего *расточенных* граждан, наполняющего *расхищенные* государственные сокровища, исторгаящего корень богоотступных хищников Российского престола и Москву от жестокого поражения и глубоких ран исцеляющего; изобразил бы я ныне *премудрого и мужественного* Алексея, *бодрым* своим духом *ободряющего* Россию, начавшую паки двигать свои мышцы, утверждающего благополучие подданных *спасительными* законами, полки военною наукою, церковь истреблением ереси, *простирающего победоносный меч свой на Сармацию* и России издревле принадлежащая великия княжества праведным оружием России возвращающего...» [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 240].

Этот эмоциональный благодаря изобилию тропов (метафоры, эпитеты, гиперболы, метонимии, олицетворения) и повторов риторический текст, ритмически организованный с помощью фигуры синтаксического параллелизма, по смыслу полностью совпадает с фрагментом оды 1754 года на рождение Павла Петровича, в которой изображены Михаил как восстановивший Русь после нашествия врагов и Алексей как предтеча Петра I. Примечательно, что некоторые образы прозаического и поэтического текстов совпадают:

Уже *младого* Михаила
 Была к тому довольна *сила*
 Упадшую *Москву* поднять
 И после страшной перемены
 В пределах *удержать* врагов,
Собрать *рассыпанные* члены
 Такого множества градов.

Сармат с *свирепостью* своею
Трофеи отдал Алексею.
 Он *суд* и *правду* положил,
 Он войско правильное вскоре,
 Он новой флот готовил в море,
 Но всё то Бог Петру судил.

[Ломоносов, 1959, т. 8, с. 563–564]

Подробный рассказ о первых Романовых в историческом сочинении и «Слове похвальном» и емкая обобщенная характеристика в оде прямо подводят к мысли о том, что именно эти предшественники заложили основу Петровских деяний, продолжив традицию, которая позволила сделать Россию могущественным государством.

**Особенности перечня русских правителей прошлого
 в «Описании иллуминации... октября 26 дня 1754 года»**

Приведенные образы были включены в размышление о судьбе России в «Описании иллуминации, которая при... присутствии Ея Императорскаго Величества к оказанию всеобщей радости о вождеднейшем рождении... Павла Петровича... была представлена... октября 26 дня 1754 года», где предполагаются «...статуи вечнодостопамятных Российских Монархов, которые своими заслугами к построению высокаго Храма Российския империи великую площадь изготовили, на высоту взошли, материалы к сему зданию собрали, заложили здания, произвели и оныя довели на высокую степень» [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 569]. Вклад каждого из

правителей в стихотворной форме определен одним важнейшим деянием, последним правителем назван Петр I, который, «всходя, возвысил нас над прочими странами», но, не успев завершить замысел, «весь труд свой совершить препоручил» [Ломоносов, 1959, т. 8, с. 570] Елизавете, к которой обращено произведение.

Однако в перечне древнерусских правителей в этом произведении отсутствует Игорь Рюрикович, появлявшийся в оде, и упоминается Ярослав Владимирович, имя которого не встречается в поэтических произведениях Ломоносова. В чем причина такого несоответствия?

Отсутствие имени Игоря можно объяснить тем, что последнее событие его жизни послужило скорее разобщению племен, населявших Русь, и судьба страны могла быть плачевной, если бы не решительность и мудрость Ольги. Поэтому, видимо, поэт, понимающий важность единства государства и самодержавной власти, не мог отнести Игоря к строителям храма Российской империи. Появление Ярослава интерпретировать труднее. В «Кратком летописце» он получил неоднозначную характеристику: с одной стороны, упомянута его победа над Святополком, овладение Киевом после войны с Мстиславом, поставление митрополитом Илариона в обход византийского патриарха. С другой стороны, рассказ о нем завершается знаменательной фразой: «Новгородцам пожаловал вольные грамоты и тем к разделению России подал немалый повод» [Ломоносов, 1952, т. 6, с. 300]. Этим фактом можно объяснить отсутствие поэтических упоминаний этого героя, но он прямо противоречит и мыслям, высказанным в «Описании иллюминации». При этом появление князя не случайно, он назван и в прозаической, и в поэтической частях произведения. Не проясняет вопрос и обращение к «Древней российской истории», поскольку рассказ о правлении Ярослава в ней при всей его пространности сохраняет двойственное отношение к князю и заканчивается той же мыслью об ошибке Ярослава, давшего вольности новгородцам: «Жил 76 лет, велик миром и войною, но был бы еще больше, когда б новгородцам не оставил необузданной вольности» [Там же, с. 286].

Единственное объяснение, которое можно предложить, связано с тем, что «Описание иллюминации» написано в 1754 году, когда «Древняя российская история», которая в законченном виде закончилась правлением Ярослава, только была начата Ломоносовым. Возможно, еще недостаточно ясно были определены им качества, позволяющие создать памятники русским правителям. Поскольку эпоха Ярослава не отмечена значительными победоносными походами против внешних врагов, поэт не мог упомянуть его в одах и прославлял подвиги других правителей. Позднее, вероятно, мысль о том, что вольности, данные новгородцам, способствовали разобщению Руси, не позволила приводить его в пример как строителя внутренней жизни государства. Возможно, по той же причине в «Идеях для живописных картин...», позднем сочинении, также не приведен ни один из сюжетов, связанных с Ярославом. Так имя этого князя осталось только в одном раннем произведении.

Заключение

1. Итак, «история и стихотворство» в творчестве Ломоносова были тесно связаны и дополняли друг друга при осмыслении хода русской истории, важнейшую роль в которой играли личности правителей. В исторических сочинениях автор представил последовательно выстроенную галерею образов князей и царей Руси на основе летописей и других исторических источников. Художественные тексты часто повторяют исторические по объему сведений об одних и тех же персонажах, но о некоторых более подробно рассказывает историк, а о других — поэт.

2. В поэтических произведениях князья и цари прошлого прежде всего должны были служить примерами современным Ломоносову самодержцам. Поэтому писатель отобрал определенный круг исторических лиц, наделенных именно теми качествами, которые считал необходимыми для правителей: заботой о безопасности, единстве, правильном устройстве внутренней жизни государства, обеспечиваемых сильной самодержавной властью, воинской доблестью, храбростью, мужеством, мудростью. Все они — «бодрые государи», принесшие пользу отечеству. Создавая их образы, Ломоносов следовал источникам и допускал домыслы деталей, только создавая сюжеты для живописных картин.

3. И в прозаических, и в стихотворных художественных текстах использована широкая палитра риторических и поэтических средств, позволяющих кратко и точно представить важнейшие деяния, характеризующие исторических деятелей. В историческом сочинении господ-

ствует стилистически сдержанное перечисление основных событий правления каждого государя, тогда как в одах, надписях, поэме Ломоносов прибегает к созданию гиперболических, метонимико-метафорических характеристик, афористически запечатлевающих облик героев.

Список источников

1. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1983. — Т. 6 : Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. — 1952. — 689 с. ; Т. 8 : Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. — 1959. — 1279 с.
2. Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. — Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. — 284 с.
3. Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. — Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. — 261 с.
4. Словарь русского языка XVIII века. — Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. — Вып. 2 : Безпристрастный — Вейэр. — 247 с.

References

1. Lomonosov M. V. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete works]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1950–1983. Vol. 6: Works on Russian history, socio-economic issues and geography. 1747–1765, 1952, 689 p.; vol. 8: Poetry. Oratorical prose. Inscriptions. 1732–1764, 1959, 1279 p. (In Russian).
2. Moiseeva G. N. *Lomonosov i drevnerusskaya literatura* [Lomonosov and Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, 284 p. (In Russian).
3. Moiseeva G. N. *Drevnerusskaya literatura v khudozhestvennom soznanii i istoricheskoy mysli Rossii XVIII veka* [Old Russian literature in the artistic consciousness and historical thought of Russia in the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, 261 p. (In Russian).
4. *Slovar russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, iss. 2: Bezpristrastnyy — Veyer, 247 p. (In Russian).

Информация об авторе

Трофимова Нина Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы института филологии Московского педагогического государственного университета.

Сфера научных интересов: русская литература XI–XVIII веков, текстология.

Information about the author

Trofimova Nina Vladimirovna — doctor of philology, professor of the Department of Russian Classical Literature, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University.

Research interests: Russian literature of the 11th–18th centuries, textual criticism.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 16.01.2024; accepted for publication 20.02.2024.